

...Аксинья Донская — так просили звать Элину Быстрицкую казачьи старейшины, посмотрев фильм "Тихий Дон". Эта роль — вершина судьбы Э.Быстрицкой, которая сложилась вполне по-звездному, хотя и у нее не обошлось без длительных простоев, невостребованности...

— Элина Авраамовна, многие ваши коллеги с большим энтузиазмом взялись в последние годы за перо. А у вас не было намерения рассказать о своей жизни в книге?

— Нужно прежде всего определить, какова цель этой книги. Мне она видится в том, чтобы вызвать интерес у людей, кого-то чему-то научить. Хотя учимся-то мы все равно на своих ошибках, а не на чужих... Поэтому будет ли кому интересно, как сложно, неровно развивалась моя творческая жизнь, — не знаю. Если я и состоялась как актриса, то не "благодаря", а "вопреки"... Во всяком случае надеялась я сделать гораздо больше. Сил было много, но бесконечные препятствия отнимали их.

— Что вы имеете в виду?

— На сцене Малого театра я играю очень нечасто. Не могу делать то, что противоречит моим творческим принципам. Еще будучи молодой актрисой, я работала с большими мастерами, которые давали мне творческую свободу. Мне говорили, что надо делать, я предлагала варианты, учитывая общее режиссерское решение фильма или спектакля. В нашем актерском деле слепо следовать режиссерской установке — далеко не лучший способ для создания характера. Я пришла в Малый в 1958 году, застала Яблочкину, Турчанинову, Пашенную, Гоголеву, Фадееву, Шатрову, Бабочкина, Жарова, Ильинского, Царева, Рыжова, Кенигсона... И они говорили: "Ну разве Малый театр таким должен быть?.. Мы помним его золотые времена". На мой же взгляд, это был лучший театр страны.

— Актерская судьба сложна, и, для того чтобы добиться успеха, видимо, нужна сильная воля? Станиславский требовал от актера оставлять у порога театра плохое настроение, будничные заботы, забывая о горе и страданиях... Всегда ли вам удается следовать этому принципу?

— В моей биографии был трагический случай — умерал мой отец. В другом городе. Шел 1970 год, мы репетировали спектакль к 100-летию Ленина. Я не могла поехать к отцу, потому что уже начались репетиции-прогоны. И вот на одной из них, буквально накануне премьеры, меня разыскали — звонила моя сестра. "Это случилось", — сказала она. Так в мою жизнь ворвалось горе... Но я вернулась на репетицию и продолжила работу. Какими уж силами — не знаю. Постановщик спектакля Рачия Капланян, оказавшись рядом со мной, заметил, что у меня текут слезы. Он остановил прогон: "Мы прекращаем работу, у Элиночки беда". Однако я попросила не прерывать репетицию, чтобы никого не подводить. На похороны я успела. Вернувшись в Москву — продолжила играть. Но чувство вины не покидает меня до сих пор...

А вот другая история. Мы приехали на гастроли в Ленинград, чтобы сыграть три спектакля "Волки и овцы". На первом из них я подвернула ногу: роль Глафиры очень подвижная. Кончилась картина, сижу на полу, встать не могу. Вызвали врача — повязка, хлорэтил, едва доиграла спектакль. Медицинская академия, кость целая, но надрыв связки голеностопа. Постельный режим. Те, кто перенес эту травму, хорошо представляют, какие это страдания. Ко мне в номер пришла Елена Николаевна Гоголева, исполнявшая роль Мурзавецкой, и попросила, чтобы я сыграла оставшиеся два спектакля. Пришлось согласиться. Мне все время поливали ногу хлорэтилом, в

ступал. Ведь у него были добрые отношения с Сергеем Апполинариевичем Герасимовым, да и актеров утверждали только с его согласия. На роль Аксиньи было много претенденток. Мне рассказывали, что, увидев мою пробу, он сказал: "Так вот она!"

Трчж - 7. - 1998. - 6 марта. - с. 5.

ЛЮБОВЬ — ЭТО ПОЛЕТ ДУШИ

ЭЛИНА БЫСТРИЦКАЯ:

результате — ожог четвертой степени, незаживающий свищ, с которым я промучилась одиннадцать месяцев. Потом — операция. Это отрицательно отразилось не только на моем здоровье, но и на карьере. До того я играла в репертуаре 9—11 ролей, задыхалась от перегрузки, меня никто не подменял. Но как только случилась беда, все мои роли обрели других исполнительниц...

Станиславский никого не призвал чем-то жертвовать, просто требовал, чтобы повседневная жизнь с ее бытовыми мелочами не засоряла искусство.

— Извините, что заставила вас вспомнить о горестных моментах... Наверное, у всех людей творческой профессии жизнь полна препятствий, и, как сказал один из них, "страданием душа поэта зреет".

— Да, я уже давно сделала для себя вывод: только через трудности, боль, горе приходит духовное совершенствование. Когда жизнь благополучна, все остывающее и никакого творческого развития не происходит.

— Наверное, страданий хватило и на долю Михаила Шолохова, с которым была связана ваша судьба. Печально, что сейчас в солидных справочниках его называют литературным функционером, написавшим "только два романа". Вы не могли бы поделиться воспоминаниями о нем?

— Это были буквально считанные встречи. Михаил Александрович ни разу не приезжал на съемки фильма "Тихий Дон". Мне трудно судить, почему он так по-

мое знакомство с ним произошло, когда мы отправились на летние натурные съемки. Шолохов ехал из Москвы в Вешенскую в том же поезде, что и мы, в одном вагоне с Герасимовым. Сергей Апполинариевич пригласил нас с Петром Глебовым на беседу. Шолохов молча слушал. На какой-то станции поезд остановился, мы вышли размяться. Был чудный день раннего лета, и над нами — ярко-синее, высокое небо. Меня поразило тогда, что у Шолохова такие же голубые, как небо, глаза.

На съемках из разговоров с казаками я узнала, что где-то неподалеку живет Аксинья: "Старенькая она, ей лет 90, но ишо живая... Ты спроси у Шолохова, он знает". Я попросила об этом Михаила Александровича. Возникла длинная пауза. Он посмотрел на меня удивленно, а потом я увидела смешинки в его глазах... "Глупенькая, я это все выдумал," — сказал он.

В следующий раз я увидела Шолохова, когда мы закончили первые две серии. Он был нашим первым зрителем и, естественно, его слово — решающим. Начался просмотр. Мы сидели тихо и напряженно. Шолохов курил. Переполненная окурками пепельница возле него к концу просмотра напоминала ежа. До сих пор не могу понять, как можно было выкурить такое количество папирос... Зажгли свет. Михаил Александрович словно застыл. Потом мы услышали его чуть хрипловатый, взволнованный голос: "Ваш фильм идет в дышло-вой упряжке с моим романом".

Мне кажется, все попытки очернить его имя уйдут в прошлое, потому что это был человек высокой души, думавший о том, как облегчить жизнь людям. К примеру, в городе Шахты он организовал текстильную фабрику для жен шахтеров. Вот вам

— я снялась в 15 фильмах. До "Тихого Дона" была главная роль в "Неоконченной повести". После этого фильма мне пошел огромный поток писем. Меня признали лучшей актрисой года. После "Тихого Дона" были "Добровольцы", "Все остается людям". Это все этапные для своего времени фильмы...

— У каждого актера есть свои несыгранные роли. К числу таких у вас относится Анна Каренина. Однажды вы сказали, что мечтали участвовать в фильме Зархи, но вам даже не дали пройти кинопробы. Интересно, какой была бы ваша Анна?

— Спусти столько лет трудно говорить об этом... Я очень люблю Татьяну Самойлову, считаю ее большой актрисой, глубоко почитаю ее отца Евгения Валериановича, с которым работаю в одном театре. И потом чувство зависти мне незнакомо.

— Роман Толстого — о семье и любви, о том, что является главным в жизни каждой женщины. В судьбах ваших героинь — это тоже главное?

— Да, главная функция женщины — быть хранительницей дома и семьи. Моя Аксинья боготворила Григория. У казаков существовал семейный кодекс чести, который соблюдался беспрекословно. Позором считалось уйти из семьи, тем более женщине. Нынешнее общество избавлено от этих условностей. Но вместе с тем семью надо сохранять, охранять, иначе дети не смогут вырасти счастливыми...

— Возможно, нынешние мужчины не очень-то подходят на Григория Мелехова, ради которого Аксинья пожертвовала всем?

— Мне кажется, женщины сами порой виноваты в том, что берут на себя инициативу и не всегда дают мужчинам возможность быть сильными.

— Мне бы хотелось услышать от вас в канун 8 Марта несколько слов о любви...

— Любовь — это всегда полет души. Когда я перестану видеть в глазах мужчин интерес к себе, наверное, это будет ужасно.

— Я знаю, у вас есть портрет Маргарет Тэтчер с ее дарственной надписью. Расскажите, как вы его получили.

— Несколько лет назад я была в Англии. Это был период, когда женщин у нас только начали допускать в большую политику. Оказалась в гостях у госпожи Тэтчер. Это женщина великого ума и воли, но и одновременно женственности. Вот так вышло, что я впервые в жизни попросила фотографию на память у женщины...

Беседу вела
Маргарита МАРУТЯН.

и "литературный функционер"! Самое печальное заключается в том, что в Вешенской мне так и не удалось побывать...

— Зато вы сыграли такую роль, которая вошла в сердца людей.

— Но ведь она у меня не одна